

— Пятнадцать лет? Слишком легко отделалась, — недовольно проворчал Чжоу Хэнцзюнь.

Юань Цзин, в отличие от него, понимал: такой приговор — результат суровый. Судья вынес максимально возможное наказание, приняв во внимание вызванный этим делом негативный резонанс и влияние на общественное мнение. Особенно по сравнению с прошлой жизнью, где эта женщина в итоге жила припеваючи и в полном достатке. Юноша был вполне доволен таким исходом.

— Я не злюсь, так с чего бы тебе кипятиться? — мягко отозвался он. — Злодейка получила по заслугам и ответит перед законом, разве это не хорошо? К тому же она уже не молода. На что ей надеяться, когда она выйдет из тюрьмы?

Юань Цзин знал: на этом дело не закончится. Истинное возмездие только начиналось.

Чжоу Хэнцзюнь украдкой взглянул на «маленького лиса» и спросил:

— Похоже, семья Цзян и не думала её защищать... Ты действительно не хочешь к ним возвращаться?

Несмотря на юный возраст, парень вырос в определенных кругах и прекрасно понимал важность связей и происхождения. Вернись Юань Цзин в семью Цзян, перед ним открылись бы блестящие перспективы.

— А если я вернусь, кто останется здесь присматривать за тобой? — с усмешкой прищурился лисёнок. — Если никто не будет стоять у тебя над душой, разве твои оценки пойдут в гору? Даже не думай об этом. Я остаюсь, чтобы контролировать твою успеваемость, так что марш решать задачи.

Губы Чжоу Хэнцзюня дрогнули в странной гримасе, он как-то дико посмотрел на собеседника, но уже в следующее мгновение просиял.

«Лисёнок просто не хочет меня бросать, вот и придумывает предлоги! — возликовал он про себя. — Конечно, в его сердце и мыслях только я один»

С этой воодушевляющей мыслью он немедленно вгрызся в тетрадь, боясь подвести Юань Цзина, который так ради него старается. Глядя на эту картину, тот лишь покачал головой, догадываясь, что парень снова что-то себе навоображал. Впрочем, это явно шло на пользу делу.

Сам Чжоу Хэнцзюнь вряд ли осознавал перемену в себе. Когда за ним бегал Вэй Цзябай, он чувствовал лишь тошноту и ярое желание выколоть навязчивому поклоннику глаза. Но теперь, когда он думал о «глубоких чувствах» друга к своей персоне, его переполняла энергия и

желание взлететь до небес.

Решать задачи вместе с лисенком было сплошным удовольствием. Юноша то и дело вскидывал взгляд на своего надзирателя, после чего с утроенной силой принимался за работу.

***

Пекин

Старый господин Цзян и Цзян Хун один за другим выписались из больницы. Когда дело Цзян Юйцзинь было окончательно закрыто и страсти понемногу улеглись, Старая госпожа Цзян снова начала сокрушаться о дочери, которую баловали с пеленок и которая никогда не знала лишений.

Цзян Хун, вернувшись домой, молча собрал вещи. Он уже забронировал билет на завтра, чтобы вернуться к работе в провинции Y, и не заметил странного настроения матери.

Зато это заметил старый господин Цзян. Прожив с ней бок о бок десятки лет, он читал её мысли как открытую книгу. Сурово взглянув на жену, старик жестом велел ей проводить его в спальню. Как только дверь закрылась, он приказал запереть её на засов.

— Ты что, собралась просить за неё перед старшим сыном? — грозно спросил господин Цзян, хмурясь. — И что же ты ему скажешь? Чтобы он вытащил её? Хочешь заставить его пойти на должностное преступление и нарушить закон? Ты хочешь, чтобы он поставил крест на своей карьере? Тебе что, жизнь слишком спокойной кажется? Прежде всего, ты хоть понимаешь, что за этим делом следит вся страна? Если Хун попытается что-то проверить, что подумают люди? Ты хочешь, чтобы из-за этой девки мы потеряли еще и старшего сына?

Старуха вздрогнула и попыталась возразить:

— Но разве всё так серьезно? Я слышала, люди оформляют какие-то справки о болезни и выходят на лечение...

— А о чувствах сына ты подумала?! — вскипел старик. — Из-за выходки Юйцзинь он до сих пор не может воссоединиться с ребенком! Он даже не знает, где его сын! Неужели тебе самой не хочется увидеть внука, которого мы потеряли на пятнадцать лет?

Старик горько раскаивался. Он понимал: они слишком баловали дочь. «Богатая и нежная жизнь» для девочки не должна была превращать её в существо, не знающее границ и морали.

— Цзян Хун только вышел из больницы. Ты ведь видела, почему он туда попал? Сестра разбила ему сердце, он кровью харкал из-за неё! А ты требуешь, чтобы он её спасал? Ты, родная мать, хочешь вонзить нож ему в грудь? Если не хочешь, чтобы сын окончательно от тебя отвернулся,

сиди тихо. Чтобы ни слова о Юйцзинь я от тебя не слышал. Иначе... иначе... — Старик нашел последний аргумент. — Иначе мы разъедемся. Я уеду с сыном в провинцию У, а ты оставайся здесь, в Пекине, и жди свою Юйцзинь.

— Старик, да что ты такое городишь! — вскрикнула она, пытаясь скрыть испуг за напускным возмущением.

Она понимала, что муж попал в точку, и втайне корила себя за то, что действительно забыла о чувствах старшего сына. Но признать это было выше её сил.

— На старости лет вздумал разводиться? Людей хочешь посмешить?

Из-за чувства вины старуха принялась ворчать на мужа, а тот, видя, что она не собирается донимать Цзян Хуна, позволил ей выговориться.

— Если этот ребенок нашелся, почему его не забирают? — не унималась она через минуту. — Разве условия тех людей могут сравниться с семьей Цзян? Это наверняка Ся Минфэн воду мутит. Наш старший всё так же пляшет под её дудку.

— Ха! — горько усмехнулся господин Цзян. — Кого ему еще слушать, если не жену? Семейно-то его разрушила Юйцзинь, а мы с тобой были пособниками! Будь я на месте этого мальчика, я бы и близко не подошел к такому «волчьему логову», как наш дом. Как ты собралась его встречать? С кислым лицом? Стоит тебе его увидеть, как ты сразу вспомнишь о сидящей в тюрьме дочери и начнешь винить во всем ребенка. Знаю я тебя!

Старуха застыла, не находя слов. Она поняла, что муж видит её насквозь. Старый господин Цзян холодно усмехнулся. Несмотря на то, что у него были связи, чтобы разузнать адрес внука, он решил уважать желание мальчика. Семья Цзян слишком много ему задолжала. Пусть жизнь его приемных родителей проста, зато там его никто не попрекнет и не попытается убить.

Старик тяжело вздохнул. Теперь его единственной задачей было прожить подольше, чтобы присматривать за этой неразумной старухой и не дать ей окончательно разрушить семью старшего сына.

Цзян Хун, не зная об этом разговоре, сухо переговорил с Ся Минфэн по телефону, а на следующий день улетел. Старая госпожа, под надзором мужа, так и не решилась заговорить о дочери. Напоследок она лишь со слезами на глазах велела сыну беречь здоровье, про себя снова виня во всем невестку. В её глазах Ся Минфэн была корнем всех бед — если бы не она, рядом с сыном давно была бы другая, более покорная женщина. Влияние Юйцзинь на её разум было слишком велико: она просто не могла заставить себя любить эту невестку.

Апелляция Цзян Юйцзинь не изменила решение суда первой инстанции. Кроме того, что это стало очередным поводом для насмешек в столичных кругах, жалоба не принесла никакой пользы. Если раньше Юйцзинь вызывала зависть, то теперь — лишь презрение и страх. Люди с

содроганием думали о том, скольким еще она могла испортить жизнь. Кое-кто даже решил просмотреть её старые связи и обнаружил любопытные факты: несколько человек, не поладивших с ней в прошлом, тихо исчезли из светской жизни. Когда эти слухи разошлись, все сошлись на одном: хорошо, что такую змею наконец-то поймали.

Ся Минфэн осталась в Пекине. Она направила все силы на расширение своего бизнеса. Женщина хотела, чтобы её сын никогда не нуждался в деньгах и мог позволить себе любое будущее. Глядя на её успех, многие проникались к ней уважением: Юйцзинь со всем своим происхождением и рядом не стояла с этой волевой женщиной. Несмотря на то, что мальчик так и не появился в столице, все понимали: рано или поздно этот наследник заявит о себе. И Пекин ждал этого момента.

***

В Линьчэне же царил покой. Чжоу Хэнцзюнь под присмотром Юань Цзина больше не влипал в неприятности, и тот наконец смог вздохнуть с облегчением.

В свободное от работы время Цзян Хун через секретаря Суна разузнал, что любят современные семнадцатилетние школьники. Помощник провел тщательное расследование и предоставил отчет, после чего комнату Юань Цзина буквально завалило подарками. Их было столько, что часть пришлось перевезти в дом к Хэнцзюню.

Тот был только рад. Подростки устроились на полу и принялись потрошить коробки. Яо Цюньмин, вернувшись, застал их среди гор упаковочной бумаги. Он знал предысторию и понимал, что Цзян Хун, не имея возможности встретиться с сыном, пытается компенсировать это горой вещей, отправленных через Ся Минфэн. По правде говоря, мужчина искренне восхищался Юань Цзином. В таком возрасте парень устоял перед блеском столичной семьи и предпочел остаться с теми, кто его вырастил. Юноша наверняка добьется великих успехов в будущем; одна лишь эта сила духа уже делала его незаурядным человеком.

— Ого, баскетбольная джерси? — Чжоу Хэнцзюнь вытащил очередную вещь и расхохотался. — Цзин-гэ, даже представить не могу тебя в этом!

Яо Цюньмин тоже усмехнулся. Отец мальчика явно не знал вкусов сына и просто скупил всё, что теоретически могло понравиться подростку.

— А вот и кроссовки, лимитированная серия, — Юань Цзин бросил коробку другу. — Держи, это твой размер. И джерси тоже забирай.

— Ого! Я такие искал, но... — парень замолчал.

До того ли ему было в Пекине, когда его едва не насильно увезли?

Мэр подошел помочь с упаковкой и спросил:

— Хэнцзюнь, ты поедешь со мной в столицу на праздники?

Юноша тут же насупился:

— Ни за что. Я остаюсь здесь. Если уедешь — я переберусь к дяде Цяо и тёте Цяо.

Пусть ему и сказали, что Вэй Цзябай уехал за границу, возвращаться в Пекин желания не было. Здесь, рядом с лисенком, Новый год обещал быть куда интереснее, чем дома под холодным взглядом отца. Понимая ситуацию в семье Чжоу, Яо Цюнмин не стал настаивать.

Среди вещей обнаружилась и стопка учебных пособий для подготовки к экзаменам. Юань Цзин с улыбкой протянул их другу:

— А это — лично тебе.

Дядя заглянул в книгу и рассмеялся:

— Вот это — самый полезный подарок.

Чжоу Хэнцзюнь, видя хитрую улыбку друга, понял, что тот над ним подшучивает, но послушно сложил пособия на полку:

— Ладно, всё равно будем решать их вместе.

«Ого, а он умнеет», — отметил про себя Юань Цзин.

В последний день уходящего года Чжоу Хэнцзюнь проводил дядю в аэропорт, после чего, нагрузившись подарками и вещами, примчался к Юань Цзину. Он решил остаться у друга на пару дней — не проводить же праздник в пустом доме. Супруги Цяо были ему искренне рады. Их сын, кроме Вэй Хао, редко заводил близких друзей.

— Да зачем же столько всего притащил? Ты же студент, — всплеснула руками мама Цяо, видя полные сумки в руках парня.

— Тетушка, не волнуйтесь, — юноша мгновенно освоил искусство быть милым. — Это всё дяде на работе надарили. Он уехал, дома всё равно испортится, так лучше вы съешьте.

Для родителей Юань Цзина мэр Яо был благодетелем. Они верили, что именно благодаря ему удалось наказать Ван Чжаоди и её злобную сообщницу. К его племяннику они относились с

особым теплом. К тому же сын как-то обмолвился, что у Хэнцзюня умерла мать, а отец привел в дом мачеху с внебрачным сыном. Сердца простых людей облились кровью за «бедного ребенка», и в этот вечер никто даже не заикнулся о том, почему он не едет домой.

Новогодний ужин прошел великолепно. Чжоу Хэнцзюнь объелся так, что едва мог дышать. В доме было тесно, но атмосфера была такой уютной, что ему не хотелось уходить. Такой теплоты он не чувствовал с тех пор, как была жива его мать. Обычно холодный и отстраненный, в этот вечер он не переставал улыбаться.

После ужина юноша подхватил коробку с фейерверками и потащил Юань Цзина на улицу. Ся Минфэн и Цзян Хун тоже прислали по огромному ящику пиротехники.

— Папа, мама, пойдёте с нами! — вежливо позвал он.

— Идите сами, молодежь, — отмахнулись родители, — мы по телевизору посмотрим.

— Ну, тогда мы пошли! — радостно крикнул Чжоу Хэнцзюнь, увлекая Юань Цзина за собой.

Они поехали на его велосипеде: Юань Цзин сидел сзади, обхватив коробку. Парень, вопя от восторга, лихо вилял рулем, пока они не выбрались на ровную дорогу.

— Мой дядя — зануда, — ворчал он по пути. — Я хотел взять его машину, было бы куда удобнее, но он ни в какую.

Юань Цзин шутливо шлепнул его по спине:

— Конечно, не разрешил, тебе же еще нет восемнадцати. Вот вырастешь — тогда и проси.

Чжоу Хэнцзюнь приосанился:

— Зато я стану совершеннолетним раньше тебя! Когда я уже буду взрослым, ты всё еще будешь маленьким.

Юань Цзин закатил глаза. Тоже мне, повод для гордости.

— Эй, ну скажи, разве я не прав? — он обернулся, требуя ответа, и велосипед опасно вильнул.

Юань Цзин покрепче обхватил его за талию.

— Да-да-да! Следи за дорогой, а то уронишь своего «несовершеннолетнего» друга прямо на асфальт.

Их смех разносился по всей улице. Приехав на пустырь, где уже собирались люди, они продолжали подкалывать друг друга, но глаза Хэнцзюня сияли неподдельным счастьем.

— Смотри, сколько народу! Давай найдем место. Я буду запускать, а ты снимай на видео.

— Давай-давай, иди уже, — отмахнулся Юань Цзин.

Когда ночное небо расцвело ослепительными искрами, юноша невольно замер. В прошлой жизни он видел куда более масштабные шоу, но сейчас всё ощущалось иначе. Он повернулся к Чжоу Хэнцзюню. Всполохи огней в ночном небе делали его облик ещё более ярким, почти ослепительным. От него было невозможно отвести взгляд. Когда очередная партия залпов закончилась, парень вдруг обернулся и поймал его взгляд.

— На что это ты уставился?

— Любуюсь тобой, — Юань Цзин не отвел глаз. — Ты ведь и сам знаешь, какой ты красивый.

Уши Чжоу Хэнцзюня мгновенно вспыхнули пунцовым. Он засуетился, не зная, куда деть взгляд. Юань Цзину вдруг захотелось пошалить. Убедившись, что вокруг на них никто не смотрит в наступившей темноте, он резко подался вперед и прикоснулся губами к уголку рта друга.

Тот застыл как вкопанный. Юань Цзин, поддавшись импульсу, озорно слизнул тепло с его губ и тут же отстранился, застыв в паре шагов и склонив голову набок, наблюдая за реакцией. Придя в себя, Чжоу Хэнцзюнь машинально прижал руку к губам, словно пытаясь удержать ускользающее тепло. Его лицо вспыхнуло ярко-красным. Он затравленно озираясь по сторонам, избегал смотреть на лисенка и лишь заикался:

— Ты... ты... что ты сейчас сделал?

— Что, не понравилось? Можешь вернуть должок.

Чжоу Хэнцзюнь на мгновение представил, как он целует своего «лисенка», и почувствовал, что у него сейчас голова задымится.

— Ты... да ты...

Юань Цзин расхохотался, согнувшись пополам. Чжоу Хэнцзюнь наконец-то решился посмотреть на него. Такой лисёнок — смеющийся, искренний — был настолько прекрасен, что парень забыл о всякой осторожности. Он подскочил к другу, обхватил его голову руками и, не особо целясь, впился в его щеку.

Буквально вгрызся зубами.

Теперь уже Юань Цзин озадаченно потирал щеку, подозревая, что там останется след от зубов. Чжоу Хэнцзюнь, спохватившись, воровато оглянулся, затем снова посмотрел на друга и, видя, что тот продолжает смеяться, сам глуповато заулыбался. Улучив момент, он снова быстро чмокнул его — на этот раз куда удачнее.

Юань Цзин позволил себе полностью погрузиться в это чистое и робкое чувство. Он потянул Чжоу Хэнцзюня обратно к фейерверкам. На этот раз парень так и не выпустил его ладонь. Огни в небе были прекрасны, но он никак не мог насмотреться на улыбку, сиявшую на лице его лисёнка.

<http://bllate.org/book/15835/1443526>